

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ХОЗЯИН ДРАКОНА

Сергей Патрушев
Хозяин Дракона

«Автор»

2026

Патрушев С.

Хозяин Дракона / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где маги плетут интриги, а императоры дрожат на тронах, есть лишь одна истинная сила — Нейтон ди Фальконе, Хозяин дракона. Его боятся, почитают, считают чудовищем, способным сжечь континент одним словом. Но за маской ледяного палача скрывается человек, чья единственная слабость — его жена Лираэль, и его единственный равный — Элиан, древний дракон, связанный с ним узами крови. Когда три империи объединяются, чтобы уничтожить гегемонию Вальгарда, они пробуждают бурю, которую не в силах понять. Это история не о завоеваниях, а о защите хрупкого мира, где политика соседствует с первобытной яростью, а древняя магия требует кровавой платы. Пройдя сквозь предательство, огненный шторм и разрушающий купола Армагеддон, Нейтон должен сделать выбор: остаться Хозяином, запертым в клетке власти, или стать просто мужем, готовым сжечь само небо ради улыбки своей жены.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Повелитель и его Тень	5
Глава 2. Сокровище Вальгарда	13
Глава 3. Зависть в золотых платьях	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Хозяин Дракона

Глава 1. Повелитель и его Тень

Снег в долине Ржавых Зубов падал не хлопьями, а тяжелой, мокрой кашей. Он оседал на плечах пехотинцев черными, быстро тающими пятнами, превращая начищенные до блеска нагрудники в тусклые, покрытые грязью блины. Третья рота императорской гвардии Вальгарда стояла на краю сожженной деревни уже третий час.

Они выстроились идеальным полумесяцем, выставив вперед стену тяжелых ростовых щитов. За щитами, опираясь на алебарды, дрожали от холода и страха латники. Впереди, на низкорослой пегой кобыле, сидел капитан Гвидо. Его седая борода превратилась в ледяной сталактит, а пальцы, сжимающие поводья, побелели.

За его спиной, в самом центре строя, возвышался черный паланкин. Он не был украшен золотом или гербами. Это был простой, глухой ящик из мореного дуба, без единого окна, покоящийся на плечах восьми носильщиков из числа личной гвардии Хозяина. Носильщики стояли неестественно ровно, их лица были скрыты глухими шлемами, и казалось, что они не дышат.

Деревня умирала.

Дым от сгоревших амбаров все еще сочился в низкое свинцовое небо. На единственной площади, прямо в центре замерзшей лужи, висели три тела. Это были не бандиты. Это были деревенские старики, отказавшиеся отдавать зерно. Их шеи были неестественно вывернуты, а босые ноги, несмотря на мороз, не касались земли — палачи подвесили их слишком высоко.

Бандиты не показывались. Они засели в каменном амбаре на холме, единственном уцелевшем строении. Оттуда доносился пьяный смех, визг свиней и редкий, хриплый свист арбалетных болтов, которые они пускали в сторону гвардейцев просто от скуки. Болты падали в снег в сорока шагах от строя, не долетая.

— Ваше сиятельство, — хрипло проговорил капитан Гвидо, обернувшись к паланкину. — Они не выходят. Если прикажете, мои люди пойдут на штурм. Мы потеряем до половины роты, камень крепок, но мы выкурим их.

Паланкин не ответил.

Гвидо сглотнул вязкую слюну. Он служил императору тридцать лет. Он видел, как горят города, как сходятся в битве сотысячные армии, как корчатся в агонии отравленные полки. Но сейчас, стоя в этой грязной, мертвой деревне, капитан чувствовал, как по его спине, под тяжелой кольчугой, течет ледяной пот.

Потому что они ждали не для того, чтобы штурмовать.

Они ждали Хозяина.

Внутри паланкина было тепло. Пахло дорогим сандалом, воском и чем-то неуловимо металлическим, похожим на запах грозы перед ударом молнии. Нейтон, Хозяин дракона, самый могущественный человек в империи Вальгард, сидел на складном походном стуле.

Он не был гигантом. Напротив, его фигура казалась обманчиво хрупкой под простым черным дублетом без вышивки. Узкие плечи, длинные пальцы, спокойное, почти бесстрастное лицо. Ему было тридцать восемь, но в угольно-черных волосах у висков уже проступила седина.

Его глаза, цвета застывшей смолы, смотрели в узкую щель между занавесками. Он видел сгоревшие дома, висящих стариков и замерзающих в грязи гвардейцев.

Рядом с ним, прислонившись плечом к дубовой стенке паланкина, стоял Элиан.

Внутри тесной коробки его истинная природа ощущалась физически. Воздух вокруг него казался плотнее, горячее. Если Нейтон был сделан из черного льда, то Элиан был выкован из белого каления.

В человеческом облике он был безупречен. Элегантный мужчина лет тридцати, с кожей, которая, казалось, никогда не знала загара, и волосами цвета воронова крыла, стянутыми на затылке простой серебряной нитью. На нем был дорогой камзол цвета запекшейся крови, сшитый по фигуре, и высокие сапоги из мягкой кожи. Но ни один портной в империи не смог бы сшить одежду так, чтобы она не выглядела на нем маскарадным костюмом. В Элиане было слишком много. Слишком широкие плечи, слишком длинная шея, слишком плавная линия скул. И глаза. Бледно-янтарные, с вертикальным, не до конца сократившимся зрачком, они смотрели на мир не с высокомерием, а с пугающим, всепоглощающим равнодушием сытого хищника.

— Они боятся, — тихо сказал Элиан. Его голос звучал как шелест пересыпающегося песка. — Капитан боится, что ты прикажешь ему атаковать. Солдаты боятся, что он прикажет. А бандиты слишком пьяны, чтобы бояться чего-либо, кроме похмелья.

— Они убили моих людей, — ровным голосом ответил Нейтон. — Сборщиков податей. Двенадцать человек. Закопали живьем в овраге за то, что те посмели попросить зерно для императорской армии.

— Армия Джалала не голодает, — усмехнулся Элиан, но в его усмешке не было веселья. — Голодают только те, кто эту армию кормит.

Нейтон медленно повернул голову. Его взгляд упал на лицо дракона. В этом взгляде не было приказа, не было просьбы. Там было абсолютное, непоколебимое доверие.

— Иди, — сказал Хозяин. — Только старшего. Я хочу, чтобы он умер в сознании.

Элиан едва заметно склонил голову.

— Как прикажешь, Повелитель.

Он не стал отдергивать полог паланкина. Он просто перестал быть плотным.

Для человеческого глаза это выглядело как мгновенная, невозможная вспышка. Вот Элиан стоит, прислонившись к стене, а в следующий миг его силуэт распадается на мириады черных, как сажа, искр. Эти искры втягиваются в щели между досками, просачиваются сквозь дерево, металл и ткань, и в ту же секунду возникают снаружи.

Он появился прямо в воздухе, в десяти шагах перед строем гвардейцев, не касаясь земли.

Снег под ним мгновенно испарился, оставив на земле круг голой, дымящейся черной земли.

Элиан сделал шаг. Его каблуки не оставляли следов на мокром снегу.

Капитан Гвидо открыл рот, чтобы отдать приказ «Огонь!», но из пересохшего горла вырвался лишь сиплый хрип. Арбалетчики, стоявшие во второй шеренге, побросали свои орудия. Тяжелые стальные ложки с глухим стуком ушли в грязь.

Элиан шел к амбару не спеша.

Он не обнажил меча. Его руки в тонких кожаных перчатках были расслабленно опущены вдоль тела. Когда до каменных стен амбара оставалось двадцать шагов, один из бандитов, самый молодой и пьяный, высунулся из-за зубца. Он взвел тяжелый крепостной арбалет, прицелился в идеальную, неподвижную фигуру и нажал на спуск.

Тетива ударила по кожаной рукавице с гулким звоном.

Болт — тяжелое, в палец толщиной, окованное железом древко — сорвался с ложа.

Он не долетел. В трех шагах от Элиана болт просто перестал существовать. Воздух перед драконом пошел густым, дрожащим маревом, как над костром, а затем схлопнулся. Стальной наконечник смялся в бесформенный ком свинца и упал в снег, еще теплый.

Элиан остановился. Он поднял правую руку. Он не делал пассов, не читал заклинаний. Он просто сжал пальцы в кулак. Внутри амбара, где сидело сорок вооруженных до зубов головорезов, раздался звук, похожий на разрыв мокрого холста. Это лопнули их легкие.

Десятки людей одновременно рухнули на колени, хватая ртами воздух, который вдруг стал густым, как смола, и обжигал гортань. Кровь хлынула из носов и ушей, заливая грязные бороды. Те, кто стоял ближе к стенам, начали биться в конвульсиях — невидимая сила ломала их кости, превращая грудные клетки в мешанину из осколков ребер и разорванной плоти.

Элиан разжал кулак. В амбаре наступила тишина, прерываемая лишь влажным хрипом умирающих. Дракон подошел к тяжелым дубовым воротам. Он не ударил в них. Он просто положил ладонь на окованное железом дерево.

От его руки пошел густой, белый пар, а затем дерево вспыхнуло. Оно не загорелось пламенем. Оно просто превратилось в пепел, осыпавшись серой трухой внутрь амбара за долю секунды. Внутри пахло озоном, горелым мясом и мочой. Элиан вошел внутрь.

На ногах остались только трое. Главарь — огромный, заросший черным волосом детина с двуручным топором, и два его подручных. Они не могли двигаться. Невидимые тиски держали их ноги, не давая сделать и шага, но их руки еще подчинялись им.

Главарь взревел, поднимая топор. Мышцы на его спине вздулись узлами. Он вложил в удар всю ярость загнанного зверя. Топор пошел вниз, целясь в непокрытую голову дракона. Элиан даже не моргнул. Он выставил вперед открытую ладонь. Топор столкнулся с невидимой преградой. Лезвие, способное расколоть латный нагрудник, встретилось с волей дракона. Металл не выдержал. Лезвие смялось, как фольга, древко разлетелось в щепки, а обратная волна ударила самого бандита.

Главаря отбросило назад. Его правая рука, сжимавшая топорище, превратилась в багровое месиво. Кости были перемолоты в пыль, а мясо висело на лоскутах кожи.

Элиан подошел к нему, ступая прямо по телам мертвых.

— Ты убил сборщиков Нейтона, — сказал дракон. Его голос больше не был шелестом. Он заполнил амбар, отражаясь от стен, проникая в мозг, вытесняя боль. — Ты убил их жен. Ты повесил стариков.

Главарь попытался что-то сказать, но из его рта хлынула черная кровь. Он смотрел на Элиана снизу вверх, и в его глазах плескался первобытный ужас. Он видел перед собой не человека. Он видел конец.

— Мой Повелитель милосерден, — продолжил Элиан, присев на корточки перед умирающим. — Он не стал жечь вас синим огнем. Он не превратил ваши кости в стекло. Он позволил вам дышать.

Элиан наклонился ниже. Его янтарные глаза оказались в дюйме от лица бандита.

— Но я — не он.

Дракон положил здоровую руку на грудь главаря.

Он не давил. Он просто *позволил* своей силе течь.

Кожа на груди бандита почернела и пошла глубокими трещинами, из которых повалил густой, жирный дым. Человек закричал, но это был звук лопающегося стекла. Его ребра начали светиться изнутри тусклым вишневым светом, словно угли в кузнечном горне.

Элиан смотрел в его глаза, не давая ему потерять сознание от болевого шока. Он держал его душу на привязи, заставляя чувствовать каждый градус жара, прожигающего плоть до позвоночника.

— Запомни этот свет, — прошептал Элиан. — Когда ты предстанешь перед пустотой, скажи теньям, что тебя убил не Хозяин. Скажи, что тебя стерла его Тень.

Свет внутри груди бандита стал ослепительно-белым. Плоть окончательно испарилась, оставив лишь обугленный столб позвоночника, который через секунду осыпался горсткой серого праха.

Элиан поднялся. На его камзоле не было ни пятнышка. Он вышел из дымящегося амбара под мокрый снег. Гвардейцы стояли на коленях. Даже капитан Гвидо, ветеран десятков осад, склонил голову, уперев латную рукавицу в грязь. Элиан прошел мимо них, не удостоив взглядом. Он подошел к черному паланкину и открыл дверцу. Нейтон сидел в той же позе. Он кивнул.

— Старший мертв? — спросил Хозяин.

— Да, Повелитель. Он больше никого не убьет.

— Хорошо.

Нейтон повернул голову. Его взгляд, холодный и тяжелый, как могильный камень, прошел сквозь Элиана и уперся в капитана Гвидо.

— Капитан.

Гвидо вскочил, едва не упав, запутавшись в полах плаща.

— Здесь! Ваше сиятельство!

— Выстройте роту, — голос Нейтона был лишен эмоций, но от него стыла кровь. — Всех мужчин деревни. Всех, кто старше десяти лет.

— Слушаюсь! — просиял Гвидо, думая, что Хозяин сейчас прикажет вздернуть пособников. — Будет исполнено немедленно! Палачей сюда!

— Палачи не понадобятся, — отрезал Нейтон. — Выдадите каждому мужчине по серебряной марке из моей личной казны. Каждому мальчику — по золотой.

Гвидо замер с открытым ртом.

— Ваше сиятельство... за что? Они же... они прятались в погребках, пока те убивали...

— За то, что они выжили, — спокойно ответил Нейтон. — И за то, что теперь они знают: сборщики податей Вальгарда ходят под защитой дракона. А те, кто поднимает руку на моих людей, не умирают быстро.

Он махнул рукой, отпуская капитана.

Носильщики, повинаясь неслышиму приказу, подняли паланкин. Гвардейцы, пятась и не смея повернуться к дракону спиной, начали перестраиваться в походную колонну.

Элиан запрыгнул на крышу паланкина, усевшись по-турецки. Дерево под ним даже не скрипнуло.

— Тебе не надоело? — спросил дракон, глядя на серое небо. — Каждый раз одно и то же. Грязь, кровь, страх.

— Это моя земля, Элиан, — ответил Нейтон, откидываясь на подушки. — Она состоит из грязи, крови и страха. Я просто расставляю их в правильном порядке.

— Ты слишком добр. Выдать серебро вдовам убитых сборщиков... Они же завтра пропьют его и будут проклинать тебя за то, что ты не воскресил их мужей.

— Пусть пьют, — Нейтон закрыл глаза. — Мертвым не нужны деньги. А живые должны знать, что Хозяин справедлив. Справедливость, Элиан, — это самый дешевый способ купить верность. Дешевле стали и крови.

— Но не так весело, — усмехнулся Элиан, пуская в морозный воздух тонкую струйку дыма из ноздрей. — Совсем не весело.

К закату они достигли столицы.

Империя Вальгард раскинулась вокруг, и Нейтон видел ее с высоты своих мыслей. Он видел нити дорог, по которым шли купеческие караваны под защитой его гарнизонов. Он видел дым кузниц в предгорьях, где ковали сталь для его армии. Он видел поля, которые зеленели только потому, что крестьяне не боялись засухи — в горах за облаками всегда спал его дракон, готовый дыханием растопить ледники для полива.

Вальгард не был самым большим государством. Но он был самым стабильным. И эта стабильность имела имя.

Нейтон.

Черный паланкин въехал в Золотые ворота столицы, когда на колокольне Храма Двух Сестер ударили к вечерне.

Столица, Аркс-Магна, встретила их шумом. Но это был не обычный рыночный гул. Город гудел, как растревоженный улей.

Носильщики остановились на площади перед Императорским дворцом.

Элиан спрыгнул с крыши и открыл дверцу.

— Мы дома, — сказал он.

Нейтон вышел.

Площадь была запружена народом. Здесь были не только гвардейцы. Здесь стояли цеховые мастера в чистых фартуках, подмастерья, уличные торговки, нищие с паперти и даже несколько растерянных аристократов в дорогах, но неуместных для толпы шелках.

Все они смотрели на балкон центральной башни дворца. Там, опершись на мраморные перила, стояла Лираэль. Солнце, садящееся за ее спиной, пробивалось сквозь ее легкие льняные волосы, превращая их в золотой нимб. На ней было простое белое платье, которое стоило больше, чем годовой налог с провинции, но оно не выглядело пышным. Оно струилось по ее фигуре, подчеркивая не статус, а жизнь.

Лираэль смеялась. Она что-то говорила толпе внизу, и тысячи людей отвечали ей радостным, счастливым гулом. Она бросила вниз, в толпу, горсть чего-то блестящего. Люди ринулись вперед, не давя друг друга, а аккуратно подбирая монеты с мостовой. Нейтон остановился, глядя на свою жену.

Каждый раз, когда он возвращался из крови и грязи своих обязанностей, этот балкон бил его под дых. Лираэль была солнцем, которое освещало его черную, выжженную изнутри душу. Она заметила его. Ее смех не угас. Наоборот, он стал теплее. Она помахала ему рукой, и этот простой жест заставил толпу на площади обернуться.

Увидев Хозяина, люди не пали ниц. Они начали кланяться — глубоко, уважительно, но без животного ужаса, с которым кланялись капитану Гвидо в деревне. А потом, словно по невидимой команде, площадь начала расступаться, образуя живой коридор от ворот до ступеней дворца.

Нейтон пошел вперед. Элиан шагал рядом, и толпа инстинктивно держалась от него в паре шагов. От дракона исходил жар, от которого сохли губы и хотелось отвести взгляд. Когда Нейтон ступил на мраморные ступени, двери дворца распахнулись. Навстречу ему вышел сам Император Джалал.

Джалал был высоким, тучным мужчиной с великолепной черной бородой, в которую были вплетены нити жемчуга. На его голове покоилась тяжелая алмазная корона. Его парчовый халат был расшит золотыми фазанами. Император был правителем Вальгарда. По крайней мере, так было написано в древних свитках.

Джалал попытался придать своему лицу выражение суровой государственной озабоченности, но при виде Нейтона его губы сами собой расплылись в заискивающей улыбке.

— Хозяин! — прогудел Император, раскидывая руки для объятий. — Ты вернулся! Мы уже начали беспокоиться, эти северные псы совсем потеряли страх. Но ты, как всегда, преподал им урок!

Нейтон позволил себя обнять. Он похлопал Императора по жирной спине, чувствуя, как под шелком перекачиваются рыхлые мышцы.

— Псы усвоили урок, Джалал. До следующей зимы на северных трактах будет тихо.

— Великолепно! Великолепно! — Император отстранился, его маленькие глазки-бусинки жадно скользнули по черному дублету Нейтона. — А трофеи? Ты привез золото? Эти северные деревни славятся своими серебряными рудниками...

— Я привез покой, — ровно ответил Нейтон. — Золото привозят купцы. Если купцы не доезжают, я привожу пепел.

Джалал натужно рассмеялся, не поняв, была ли это шутка.

— Ох, твой юмор, Нейтон! Как всегда, остер, как твой... э-э-э... спутник.

Император наконец заметил Элиана, стоявшего чуть позади. Он побледнел так быстро, что это было заметно даже сквозь смуглую кожу.

— А... Элиан. Рад, что ты... в человеческом виде. В прошлый раз, когда ты чихнул в тронном зале, опалило бархатные портьеры. Казначей до сих пор вычитает стоимость из моего жалования.

Элиан едва заметно склонил голову. В его янтарных глазах не отразилось ничего.

— Император, — прошелестел он.

— Где Лираэль? — спросил Нейтон, прерывая пустой разговор.

— О! Она на балконе! — засуетился Джалал. — Раздает милостыню из твоих сундуков. Очаровательная женщина. Народ ее обожает. Буквально носит на руках. Меня, конечно, тоже любят, — добавил он поспешно, — как символ династии, но Лираэль... она настоящая Святая Мать Вальгарда.

Нейтон обошел Императора, направляясь к главной лестнице.

— Она не Святая Мать, Джалал. Она моя жена. Запомни разницу.

Он поднимался по ступеням, и с каждым шагом шум толпы внизу стихал, сменяясь гулким эхом его шагов под сводами дворца.

Внутренние покои встретили их запахом выпечки, сухих трав и горячего вина.

Лираэль уже ждала его в Малой гостиной. Она не сидела на троне — у них не было тронов, кроме того нелепого золотого кресла в Большом зале, на котором по праздникам восседал потеющий Джалал. Она сидела на широком подоконнике, поджав под себя ноги, и грела руки о большую глиняную кружку.

Услышав шаги, она обернулась.

Ее лицо, чистое и свежее, как у крестьянской девушки с северных хуторов, просияло.

— Ты пахнешь гарью, — сказала она вместо приветствия.

Нейтон остановился в дверях. Элиан остался в коридоре, превратившись в едва заметную тень у косяка.

— Северные леса всегда пахнут гарью, когда их прощаешь, — ответил Нейтон.

Он подошел к ней. Лираэль протянула руку и коснулась его щеки. Ее пальцы были теплыми. Она стерла большим пальцем полоску копоти, которую он сам не заметил.

— Они снова убивали? — тихо спросила она.

— Они перестали.

— Я ненавижу, когда ты это делаешь, — она уткнулась лбом в его грудь. — Ненавижу, что моя радость в этом доме куплена их страхом.

— Их радость, — Нейтон обнял ее, вдыхая запах ее волос, — куплена твоим светом. Я лишь убираю мусор, который пытается этот свет загасить.

Он зарылся лицом в ее макушку. В этот момент, в тишине безопасной гостиной, Хозяин дракона, самый страшный человек в империи, позволил себе стать просто мужчиной. Его плечи, обычно сведенные железной волей, опустились.

— Я скучал, — выдохнул он.

— Я знаю, — она подняла голову и поцеловала его.

Это был не поцелуй аристократов — холодный и расчетливый. Это был голодный, жадный поцелуй человека, который три недели дышал только морозом, кровью и смертью. Лираэль ответила ему с той же страстью, ее пальцы вплелись в его черные волосы.

В мире за стенами этой комнаты были политика, границы, бандиты и фальшивый Император. Здесь, в пятне закатного солнца, были только они.

— Ваше сиятельство, — голос Элиана из коридора прозвучал как удар хлыста. — К вам посланник из Южных Пределей. Он ждет в Синей зале. Говорит, что дело касается караванов с шелком и что у него письмо с Большой Императорской печатью.

Нейтон нехотя оторвался от жены.

— Шелк может подождать, — пробормотал он, не размыкая объятий.

— Посланник — родной брат Великого Визиря, — добавил Элиан. — А караваны горят уже третью неделю. Если он уедет ни с чем, Джалал начнет шептаться, что Хозяин потерял хватку из-за юбки.

Лираэль тихо фыркнула в плечо мужа.

— Он прав. Иди. Иначе этот бочонок с вином решит, что теперь он правит не только на бумаге.

Нейтон с сожалением отпустил ее.

— Распорядись насчет ванны, — бросил он Элиану. — И пришли ко мне начальника тайной канцелярии. У меня появились вопросы к северным баронам.

— Будет исполнено, — кивнул дракон и бесшумно исчез в полумраке коридора.

Нейтон снова посмотрел на жену.

— Двадцать минут, — сказал он. — Потом я твой. Выгони всех из дворца, кроме прачек.

— Я выгоню даже прачек, — пообещала Лираэль, лукаво улыбаясь.

Он ушел, его шаги снова стали тяжелыми и размеренными, возвращая ему облик Повелителя.

Лираэль осталась одна. Она допила остывшее вино, подошла к окну и посмотрела на город.

Внизу, в садах дворца, играли дети знати. Жена министра и дочь городского головы о чем-то яростно спорили у фонтана. Лираэль знала, о чем. О том, чье платье сегодня было признано более удачным, и о том, что Хозяин, войдя во дворец, даже не взглянул на них, спеша к жене.

Аристократки ненавидели ее. Они называли ее за глаза «пастушкой», «случайной удачей» и «ведьмой, опоившей демона». Они не понимали.

Нейтону невозможно было опохмелиться. Его невозможно было купить или обмануть. Его сердце, если у драконьего Хозяина вообще было сердце, билось ровно и холодно.

Но Лираэль знала секрет.

Она не владела его властью. Она владела его тишиной. Той самой тишиной, в которую он возвращался, принося на сапогах грязь мира. Она отошла от окна. В коридоре, у самой двери их покоев, стоял Элиан. Лираэль улыбнулась ему. В отличие от остальных, она его не боялась. Она знала, что под маской чудовищной мощи и холодного равнодушия скрывается абсолютная, собачья преданность ее мужу.

— Присмотришь за ним? — спросила она дракона. — Чтобы этот посланник не отнял у меня больше получаса.

Элиан склонил голову. В его янтарных глазах на долю секунды промелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Я прослежу, чтобы шелк Великого Визиря сторел как можно живописнее, госпожа. Это займет вашего мужа минимум до полуночи.

— Ты злой, — рассмеялась Лираэль.

— Я — Тень, — ответил Элиан. — Моя единственная добродетель — быть темнее хозяина, чтобы он всегда казался светом.

Он растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах озона и абсолютную уверенность Лираэль в том, что этой ночью никто и ничто не посмеет потревожить их покой. А в Синей зале Нейтон уже принимал посланника. Он сидел в кресле, которое казалось слишком простым для его статуса, и слушал визгливые жалобы брата Великого Визиря. Хозяин молчал.

Но от его молчания шелк на груди посланника стал мокрым от пота. Нейтон смотрел на него тем же взглядом, каким три часа назад смотрел на главаря бандитов в амбаре. Игра только начиналась. И правила в ней устанавливал только один человек. Вернее, человек и его Тень.

Глава 2. Сокровище Вальгарда

Утро в Аркс-Магне пахло свежим хлебом, речной прохладой и мокрым камнем. Солнце, наконец-то прорвавшееся сквозь недельную пелену осенних туч, заливало Верхний город жидким золотом. Оно отражалось от шпилей Академии, заставляло сиять купола Храма Двух Сестер и зажигало тысячи искр в каплях росы на листьях платанов, растущих вдоль главной улицы — Аллеи Певчих.

Лираэль шла по этой аллее одна.

На ней не было ни короны, ни тяжелых парчовых платьев, в которых ее заставлял позировать Император Джалал для парадных портретов. Она надела простое платье из темно-синего сукна, подбитое кроличьим мехом, и теплый шерстяной плащ без гербовой застежки. Свои густые светлые волосы она заплела в обычную косу, перехватив ее кожаным шнурком.

Для любой другой женщины в империи Вальгард такой наряд был бы верхом скромности. Для Лираэль, жены Хозяина дракона, это была самая дорогая одежда, которую только можно было купить у столичных ткачей.

Она шла медленно, никуда не торопясь. Стражники на перекрестках, узнавая ее, вытягивались по струнке, но тут же, видя ее легкую улыбку, расслаблялись и кланялись уже по-человечески, с искренним теплом.

— Доброе утро, госпожа! — крикнула ей зеленщица, раскладывая на лотке пучки первой зимней зелени. — Попробуйте яблоко! В этом году сады барона Кросса дали такой урожай, что ветки ломались! Сладкие, как мед!

Лираэль подошла к лотку. Она выбрала самое румяное, с небольшой вмятинкой на боку. — Доброе утро, тетушка Марта. Как ваша поясница? Прошлый раз вы жаловались на сырость.

— Ох, госпожа, ваша мазь! — всплеснула руками торговка. — Та, что вы мне дали в прошлый четверг. Как рукой сняло! Я теперь и в дождь, и в град на рынке стою, хоть бы хны. Дай вам Двое здоровья и долгих лет!

— И вам, Марта, — Лираэль протянула ей медную монетку, хотя зеленщица пыталась всучить ей яблоки бесплатно. — Сдачу оставьте себе, купите внукам леденцов.

Она пошла дальше, откусывая яблоко. Сок брызнул на губы, кисло-сладкий, пробуждающий.

Лираэль была сокровищем Вальгарда. Не тем сокровищем, что заперто в подвалах Императорского дворца — там, в темноте, пылились сундуки с золотом, которые Джалал даже не мог сосчитать. Лираэль была живым сокровищем.

Она была тем, ради чего Нейтон выжигал деревни.

Эта мысль никогда не оставляла ее. Она шла по улицам, видела счастливые лица, видела детей, играющих в рыцарей прямо на мостовой, видела открытые двери таверн, откуда доносился смех, и понимала: этот мир держится на страхе. На абсолютном, парализующем ужасе перед черным паланкином и янтарными глазами Элиана.

Но люди любили ее. Они не боялись жены демона. Они видели в ней защитницу. Ту, кто может замолвить слово перед Хозяином, если кого-то несправедливо обложили налогом или чей-то сын загремел в штрафной легион за разбитую в кабаке кружку.

Лираэль никогда не просила Нейтона о таком. Она знала: если она просто придет к мужу и скажет, что сын кузнеца Игнуса хороший мальчик, Нейтон не станет проверять реестры. Он просто прикажет вернуть парня домой. Сила Лираэль была в ее искренности. Она не играла в милосердие. Она им дышала.

Она свернула в Кривой переулок, где располагались лавки старьевщиков и кондитеров.

В витрине «Сладостей тетушки Бэллы» стоял настоящий шедевр — сахарная модель Императорского дворца в полный человеческий рост. Каждая башенка, каждый флаг из карамели были выполнены с ювелирной точностью.

Лираэль толкнула звякнувший колокольчик.

Внутри пахло корицей, жженым сахаром и ванилью.

— Госпожа! — тетушка Бэлла, монументальная женщина в белом крахмальном чепце, выкатилась из-за прилавка, вытирая руки о фартук. — Вы видели? Я закончила его в полночь! Думала, сахар осядет, но Двое миловали!

— Бэлла, это невероятно, — выдохнула Лираэль, прижимая ладони к щекам. — Это же стоит целое состояние! Кто заказчик?

— Лорд-канцлер для именин Императора, — гордо ответила кондитер. — Хотел выслужиться перед вашим мужем. Думает, если подарит Джалалу дворец из сахара, Нейтон разрешит ему не платить налог на северные меха в этом году.

Лираэль тихо рассмеялась.

— Бедный канцлер. Он не знает, что Нейтон меха не ест.

— А вы едите, госпожа! — Бэлла заговорщически подмигнула. — Я вам собрала коробочку. Ваши любимые — с кедровым орехом и северной клюквой. И еще марципановых свинок для детишек в приюте Святой Агаты. Вы же вечером туда пойдете?

— Пойду, — кивнула Лираэль.

Она расплатилась, взяла тяжелую, перевязанную атласной лентой коробку и вышла на улицу.

Ее путь лежал к Верхнему рынку. Там, в шумной, пахнущей пряностями и дегтем толпе, она чувствовала себя живой. Она торговалась за нитки жемчуга, которые были ей не нужны, но старик-ювелир так жалобно смотрел на ее пустые уши, что она купила серьги просто чтобы он смог заплатить за аренду лавки. Она долго выбирала шелк для новой рубашки Элиану — дракон, несмотря на свою огненную природу, любил тончайший черный шелк, который не вспыхивал от его случайных выдохов.

К полудню ее корзинка для рукоделия была полна мотками шерсти, баночками с редкими специями, которые просил привезти начальник тайной канцелярии, и детским деревянным волчком, расписанным вручную.

Лираэль устала. Ноги гудели. Она нашла свободную скамью в тени старой липы, недалеко от фонтана, и присела, поставив рядом корзинку и коробку от Бэллы.

Она смотрела на воду.

«Это не может длиться вечно, — думала она. — Свет не живет без тени. Рано или поздно моя радость начнет отравлять его работу. Он станет слишком мягок. А мир вокруг слишком жесток».

Ее размышления прервал тяжелый, глухой стук.

К скамье подъехала крытая повозка. Она не была роскошной. Наоборот, она выглядела старой, скрипучей, с облупившейся зеленой краской. Такие повозки использовали пекари или мясники.

С козел прыгнул человек в простом суконном кафтане. Он огляделся по сторонам, проверяя, нет ли лишних глаз, подошел к повозке сзади и с кряхтением откинул борт.

Внутри, занимая все пространство повозки, стоял сундук.

Он был сделан из черного мореного дуба, окованного широкими полосами тусклого серебра. Замок на нем был размером с голову младенца.

Лираэль узнала этот сундук.

Человек тяжело вздохнул, обхватил сундук руками, напрягся, и с видимым усилием — хотя сундук должен был весить как небольшая гора — спустил его на брусчатку.

— Госпожа, — прохрипел он, вытирая пот со лба. — Хозяин велел передать. Сказал, это за Северный тракт. И за амбар.

— Гидеон, — Лираэль встала. — Зачем он опять? Мы же договорились. У нас хватит золота, чтобы вымостить этой брусчаткой всю дорогу до моря.

— Я всего лишь курьер, госпожа, — Гидеон, бывший сержант гвардии, а ныне доверенный казначей Нейтона, виновато развел руками. — Он не слушает. Сказал, это ваша доля. Честная работа — честная плата.

Он достал из-за пазухи маленький серебряный ключ на цепочке и протянул ей.

— Хозяин просил извиниться. У него там снова южане. Шелк, пряности, брат Визиря... Сами понимаете. Он придет, как только выжжет их склады. Сказал, к ужину.

Гидеон поклонился, снова забрался на козлы и хлестнул лошадь. Повозка, скрипя, скрылась в потоке других телег. Лираэль осталась одна. Сундук стоял у ее ног.

Она знала, что внутри. Не просто золото. Там были «зарплаты» за кровь. За страх, который Нейтон внушил целым провинциям. За пепел, который остался от бандитских логовищ.

Она присела на корточки. Замок щелкнул почти неслышно. Крышка откинулась. Лираэль отшатнулась. Она ожидала увидеть блеск монет. Но сундук был доверху заполнен необработанными изумрудами. Они лежали плотной, тяжелой массой, переливаясь глубоким, влажным зеленым светом. Камни были еще в породе, грязные, но их сияние пробивалось сквозь пыль. Их было здесь на сотни тысяч марок. На новый флот. На годовое содержание всей императорской гвардии. Лираэль закрыла лицо руками.

Она не хотела этих камней. Она не хотела этого золота. Она хотела, чтобы ее муж сегодня вечером не пах гарью. Чтобы его руки, способные ломать хребты, просто держали ее за талию во время танца. Она захлопнула сундук. Тяжелый дуб стукнул о дуб с гулким, безнадежным звуком.

— Госпожа? Вам дурно?

Рядом стоял молодой подмастерье сапожника, испуганно глядя на черный ящик.

— Нет, все хорошо, — Лираэль заставила себя улыбнуться, поднимаясь. — Просто... тяжелый. Поможешь мне донести это до дворца?

Нейтон вернулся, когда тени от башен стали длиннее самих башен.

Он вошел в их личные покои без стука. Элиан, как обычно, скользнул следом беззвучной тенью и замер у двери, растворяясь в полумраке.

Хозяин выглядел так, как и должен выглядеть человек, полдня разбиравшийся с политикой Южных Пределей. Его волосы были в пыли, на скуле наливался багровым синяк — подарок от слишком ретивого телохранителя Великого Визиря, который попытался закрыть господина своим телом и получил удар латной рукавицей Нейтона.

Нейтон сбросил на пол тяжелый дорожный плащ. Плащ упал с влажным шлепком. От него пахло дымом, лошадиным потом и озлобленными мужчинами.

— Джалал пытался подсунуть мне в советники свою двоюродную тетку, — вместо приветствия сообщил Нейтон, падая в кресло. — Говорит, у нее хороший почерк и она умеет вышивать гербы. Хотел, чтобы она вела протокол моих переговоров с южанами.

— И что тетка? — голос Лираэль раздался из соседней комнаты.

— Плачет в галерее. Я отказал. Кажется, я разбил ей сердце. И, возможно, два ребра. Ее охранник был слишком громким.

Лираэль вышла к нему.

Она не бросилась ему на шею. Она знала: сейчас он соткан из колючей проволоки. Ему нужно время, чтобы сбросить с себя кожу Повелителя. Она молча взяла его руку. Его пальцы были ледяными.

— Иди сюда, — сказала она.

Она провела его в купальню. Большая медная лохань уже была наполнена горячей водой, от которой шел пар. Лираэль сама, не доверяя слугам, добавила туда масла горького миндаля и горсть морской соли.

Нейтон позволил ей раздеть себя. Он стоял, как изваяние, пока она снимала с него тяжелую португую с пустыми ножнами, расстегивала пряжки на кожаном дублете.

Когда последняя рубашка упала на пол, Лираэль тихо ахнула.

На его левом боку, под ребрами, багровел огромный, страшный кровоподтек.

— Это не тетка, — констатировала она, осторожно касаясь синяка кончиками пальцев. — Это арбалетный болт. Старая травма. Она снова открылась.

— Пусяк, — отмахнулся Нейтон, но поморщился, когда она начала помогать ему переступить через край лохани. — Южане используют отравленные иглы. Пришлось напомнить им, что моя кожа не пропускает яды. Но кости помнят.

Он погрузился в воду. Горячая вода мгновенно покраснела — смывалась дорожная пыль и засохшая кровь. Нейтон откинул голову на край лохани и закрыл глаза.

Лираэль села на маленькую скамеечку рядом. Она не говорила. Она просто перебирала его мокрые, черные волосы, массируя кожу головы, пока его плечи не начали опускаться ниже уровня воды.

— Гидеон привез сундук, — тихо сказала она.

Нейтон не открыл глаз. — Изумруды?

— Да.

— Хорошо. Южане заплатили за проход караванов. Двойную цену. Они очень хотели, чтобы их шелк не сгорел вместе со складами брата Визира.

— Нейтон, — голос Лираэль дрогнул. — Мы не можем потратить столько за десять жизней.

— Мы и не будем, — он наконец открыл глаза. Его взгляд, обычно пугающий, сейчас был просто бесконечно уставшим. — Я прикажу Гидеону пустить это на закупку зерна для северных провинций. Зима будет лютой. А на рынках скажут, что это дар Императора. Джалалу нравится, когда его называют щедрым.

— Ты купил зерно их же изумрудами, — прошептала Лираэль. — А они будут благодарить Джалала.

— Пусть, — Нейтон нащупал под водой ее руку и сжал. — Мне не нужна их благодарность, Лири. Мне нужно, чтобы весной им было что сеять.

Он выбрался из воды. Лираэль тут же подала ему огромную пушистую простыню.

Она вытирала его сама, как ребенка, осторожно обходя синяки.

— Ты слишком много работаешь, — сказала она, когда он был уже сух и стоял перед ней обнаженный, источая жар остывающего тела. — Ты горишь, Нейтон. Я чувствую это. Ты сжигаешь себя изнутри, чтобы вокруг было тепло.

— Кто-то же должен подбрасывать дрова, — он попытался усмехнуться, но вышло криво.

— Пойдем, — она взяла его за руку.

Она привела его в спальню. Окна были распахнуты настежь, впуская прохладный вечерний воздух. На широком супружеском ложе, поверх темно-бордового покрывала, была разложена карта империи.

Лираэль подвела его к кровати и заставила сесть.

— Ляг, — приказала она.

— Я не хочу спать.

— Ты не будешь спать.

Она достала из резной шкатулки на столике маленькую склянку с темным маслом. — Повернись на живот.

Нейтон подчинился. Он лег, положив голову на сложенные руки, и замер.

Лираэль села на него верхом, оседлав поясницу. Она знала, что ее веса в сорок с небольшим килограммов он даже не чувствует, но Нейтон все равно напрягся, боясь раздавить ее своей тяжестью.

— Расслабься, — велела она.

Ее ладони, теплые и мягкие, легли на его исполосованную шрамами спину.

Она начала с плеч. Ее пальцы были сильными. Она не просто гладила — она работала, разминая каменные узлы мышц, в которых застыли недели бессонницы и месяцы принятия решений, от которых зависели жизни тысяч.

Нейтон выдохнул. Его дыхание пошевелило волосы на ее ноге.

— Здесь, — глухо сказал он, ткнувшись лбом в покрывало. — Левее. Там, где сходятся лопатки.

— Я знаю, — ответила Лираэль.

Ее пальцы нашли точку. Это был старый, десятилетний спазм — след от того дня, когда Элиан впервые принял боевую форму прямо над ним, и ударная волна от драконьего рыка едва не переломила Нейтану позвоночник.

Лираэль нажала. Сильнее. Еще сильнее.

Нейтон глухо зарычал, но не от боли. От облегчения.

— Я ненавижу этот мир, — вдруг сказал он в подушку. Голос был глухим, вибрирующим. — Я ненавижу этих людей. Я ненавижу Джалала. Я ненавижу южную гниль и северную стужу. Я ненавижу то, что мне приходится быть чудовищем, чтобы они могли спать спокойно.

— Я знаю, — Лираэль не переставала разминать его спину, ее движения стали медитативными, убаюкивающими.

— Иногда, — продолжил он, и в его голосе зазвучала такая дикая, первобытная тоска, что у Лираэль перехватило дыхание, — я смотрю на свой кулак и думаю: что было бы, если бы я просто сжал его? Не для того, чтобы убить. А для того, чтобы раздавить этот мир. Сломать хребет самой Империи. Она же гнилая, Лири. Вся, насквозь. И я — самый большой гвоздь в ее гробу.

— Ты — ее скелет, — тихо ответила она. — Без тебя она давно бы рассыпалась в труху, и крысы бы растащили ее по норам.

— Я не хочу быть скелетом.

Его плечи затряслись. Нейтон плакал. Беззвучно, страшно, содрогаясь всем телом. Так плачут те, кто отвык плакать десятилетия назад.

Лираэль наклонилась вперед, ложась на его спину, обнимая его руками, прижимаясь щекой к его мокрому от пота волосам.

— Тише, мой Повелитель, — шептала она. — Тише, мой дракон. Я здесь. Я не дам тебе сгореть.

Она держала его, пока судорога усталости и горя не отпустила его тело. Пока его дыхание не выровнялось.

— Я хочу на пикник, — вдруг сказал Нейтон. Его голос был хриплым и ломким, как тонкий лед. — Как тогда, в первый год. Помнишь? За Белым перевалом. Там, где растут синие колокольчики.

— Помню, — улыбнулась Лираэль, не меняя позы. — Колокольчики уже отцвели. Осень.

— Тогда где растут красные дубы. У старой мельницы.

— Там сыро.

— Мне все равно. Разожжем костер.

Лираэль поцеловала его в затылок. — Хорошо.

— Сейчас? — с надеждой спросил он, все еще не поднимая головы.

— Сейчас, — она легонько шлепнула его по плечу. — Вставай. Я прикажу седлать лошадей. Только ты и я. Элиана оставим здесь. Пусть охраняет сундук с изумрудами.

Нейтон перевернулся на спину, увлекая ее за собой. Он смотрел на нее снизу вверх. В его черных глазах, отражающих свет свечей, все еще стояла влага.

— Ты мое единственное сокровище, — сказал он.

— А ты — мое, — ответила она, целуя его сухие, обветренные губы.

Они выехали через задние ворота дворца, переодевшись в простое дорожное платье. Нейтон накинул капюшон, скрывая лицо, но это было излишне — гвардейцы, охранявшие калитку, просто молча поклонились, делая вид, что не узнали Хозяина.

Они ехали верхом. Нейтон на своем огромном вороном жеребце, который слушался лишь его, и Лираэль на изящной белой кобыле. Они не взяли охраны. Нейтон был лучшей охраной в мире, а Лираэль верила, что ни одна тварь в этом лесу не посмеет тронуть жену Хозяина. Они скакали через засыпающий город, потом через предместья, и наконец вырвались на вольный воздух. Осенний лес встретил их запахом прелой листвы и грибов.

Красные дубы стояли стеной. Лес в закатном солнце казался залитым кровью. Старая мельница на излучине реки встретила их тишиной. Вода с шумом билась о деревянные лопасти давно застывшего колеса.

Нейтон спешился первым. Он подошел к Лираэль, снял ее с седла, легко, словно пушинку, и поставил на землю.

— Жди здесь, — сказал он.

Он ушел в лес и вернулся через десять минут с огромной охапкой сухого валежника.

Лираэль тем временем достала из притороченных к седлу сумок плед и корзину. Нейтон сложил костер. Он не стал пользоваться огнем. Он просто протянул руку над сухими ветками, и с его ладони сорвался крошечный, не больше искры, язычок чистого белого пламени. Ветки занялись мгновенно, с веселым треском. Они сидели у огня. Нейтон снял сапоги и с наслаждением пошевелил босыми пальцами в прохладном речном песке. Он выглядел расслабленным, почти беззащитным. Угловатые черты его лица смягчились в свете пламени.

Лираэль достала из корзины хлеб, сыр, копченое мясо и ту самую коробку от тетюшки Бэллы.

— Сахарные свинки? — Нейтон приподнял бровь, когда она протянула ему марципан.

— Для тебя, — она улыбнулась. — Ты же любишь сладкое, когда думаешь, что никто не видит.

— Это Элиан тебе сказал, — проворчал он, откусывая голову свинке. — Предатель.

— Я сама видела, — рассмеялась Лираэль. — Вчера ночью. Ты стоял у окна и ел шоколад прямо из шкатулки.

— Я проверял, не отравлен ли он, — нашелся Нейтон.

— Конечно. Именно поэтому ты облизывал пальцы.

Они ели в тишине, нарушаемой лишь треском костра и уханьем совы.

— Знаешь, — сказал Нейтон, глядя на огонь, — брат Визиря плакал. Когда я поджег его северный склад. Он стоял на коленях в пыли и клялся, что это была ошибка.

— Ты его не убил?

— Нет. Я взял с него клятву на Коране, что он больше никогда не посмотрит в сторону наших границ. И забрал изумруды.

— Ты страшный человек, Нейтон ди Фальконе.

— Я твой муж, Лираэль. Это страшнее.

Он протянул руку и взял ее ладонь. Его пальцы были все еще горячими от огня, но теперь это было приятное, живое тепло.

— Я не хочу возвращаться во дворец, — признался он. — Давай останемся здесь. Построим шалаш. Я буду охотиться на кроликов. Ты будешь собирать ягоды.

— К зиме мы умрем от цинги и ревматизма, — фыркнула Лираэль. — И кто тогда будет пугать южных послов?

— Пошел к демонам этот Юг, — Нейтон притянул ее к себе, укрывая полый своего плаща. — Пусть сами пугаются.

Лираэль положила голову ему на плечо. Она чувствовала мерный, сильный стук его сердца.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил он, зарываясь лицом в ее волосы. — Это единственное, в чем я уверен на сто процентов во всей этой проклятой империи.

Они просидели так до глубокой ночи. Костер прогорел, оставив лишь алые угли. Небо очистилось, и над ними раскинулся Млечный Путь — густая, серебряная река звезд.

Нейтон поднял голову.

— Смотри, — сказал он. — Альтаир.

— Где?

— Вон там. Самая яркая. Говорят, если долго на нее смотреть, можно сойти с ума от тоски по дому.

— У тебя есть дом, — Лираэль крепче сжала его руку.

— Теперь есть, — согласился он.

Он поцеловал ее. Медленно, глубоко, вкладывая в этот поцелуй всю ту нежность, которую не мог выразить словами. Нежность человека, привыкшего отдавать приказы на уничтожение, но нашедшего в себе силы отдавать приказы на созидание — ради нее.

— Поехали домой, — сказал он, отстраняясь. — У нас есть сундук изумрудов. Надо придумать, как превратить их в хлеб, не обидев Джалала.

— Оставь это до завтра, — Лираэль поднялась, отряхивая юбку от сухих листьев. — Завтра будет новый день. И новые бандиты.

— Завтра я сплю еще парочку складов, — пообещал Нейтон, помогая ей сесть в седло. — Для душевного равновесия.

Он легко взлетел в седло своего жеребца. Оглядел притихший, залитый лунным светом лес.

Для всего мира он был Хозяином дракона. Олицетворением карающей длани.

Но здесь, под сенью красных дубов, держа за повод лошадь своей жены, он был просто мужчиной, у которого есть дом, куда хочется возвращаться.

Он ударил жеребца пятками, и они поскакали обратно в Аркс-Магну, оставляя за спиной остывающий костер и тишину, которая в империи Вальгард была самой большой и самой дорогой роскошью.

Глава 3. Зависть в золотых платьях

Большой Императорский зал Аркс-Магны был задуман как памятник человеческому тщеславию.

Сводчатый потолок, уходящий на высоту десяти человеческих ростов, был выложен пластинами чистого золота, между которыми инкрустировали тысячи лунных камней. В ясные ночи, когда слуги открывали верхние смотровые люки, казалось, что гости пируют прямо под звездным небом. Сейчас люки были закрыты — осень вступала в свои права, принося с собой ледяные ветра с гор, — и зал освещали две тысячи восковых свечей в гигантских люстрах из горного хрусталя.

Свет дробился в гранях хрусталя, преломлялся в золоте потолка и тонул в бархате и шелках. Зал гудел. Это был не просто гул толпы, это был звук трения амбиций. Шуршание шелка, звон серебряных вилок о фарфор, приглушенный смех, похожий на треск пересохшего дерева, и змеиное шипение сплетен.

Лираэль стояла у подножия мраморной лестницы, ведущей к Императорскому возвышению.

На ней было платье цвета застывшего пламени.

Оно не было сшито. Оно было выращено. Тончайший шелк, привезенный из-за Жемчужного моря контрабандой — ибо Нейтон запретил легальную торговлю с теми землями после того, как тамошний халиф оскорбил Лиру одним лишь взглядом — струился по ее телу живым, дышащим потоком. Юбка не стояла колоколом, как диктовала мода этого сезона, а ниспадала мягкими, тяжелыми складками, расшитыми вручную речным жемчугом. Каждая жемчужина была идеально круглой, что само по себе стоило состояния.

Но главным было не платье.

На ее шее покоилось «Сердце Севера» — алмаз размером с кулак взрослого мужчины, оправленный в холодную платину. Камень ловил свет свечей и преломлял его в холодный, синевато-белый огонь, который, казалось, вымораживал воздух вокруг шеи Лираэль.

Это был подарок Нейтона. Не за сожженные деревни. Не за разгромленные банды. Просто за то, что вчера, когда он вернулся с переговоров, пахнувший гарью и чужой кровью, она не спросила, скольких ему пришлось убить. Она просто раздела его, умыла и принесла чашу с горячим вином.

Лираэль улыбалась.

Она стояла в луче света, и каждый мужчина в зале — от седых маршалов до юных пажей — хотя бы раз обернулся в ее сторону. Она была воплощением жизни. Теплая кожа, легкий румянец, искренний блеск в глазах. Она кивала в ответ на поклоны, перебрасывалась парой фраз с женами цеховых мастеров, смеялась над шуткой старого генерала.

А вокруг нее, словно акулы вокруг кита, кружились они.

Аристократки. Золотые гарпии Вальгарда.

Графиня де Вейн, чьи предки владели землями еще до прихода династии Джалала, стояла у колонны, сжимая в костлявых пальцах бокал с игристым вином. Ее платье из лионского бархата было усыпано бриллиантовой пылью, но рядом с «Сердцем Севера» оно выглядело как дешевая бижутерия.

— Говорят, — процедила графиня, не поворачивая головы, обращаясь к своей спутнице, маркизе Солей, — что Хозяин привез ей этот булыжник из логова огненных ящеров. Прямо в крови. Как романтично.

— У ящеров нет крови, дорогая, — лениво протянула маркиза, обмахиваясь веером из павлиньих перьев. — У них жидкое пламя. Видимо, поэтому у нашей дорогой Лираэль такой

лихорадочный румянец. Она просто светится. Говорят, демоны оставляют на своих избранных особую... метку.

— Метку на шее я вижу, — фыркнула де Вейн. — Я вижу алмаз, на который можно нанять три легиона наемников. Но я не вижу ума. Она вчера на Совете назвала «фракцию» «фракционированием». Стоит ей открыть рот чуть шире, чем для улыбки, и весь этот фарс рухнет.

— Она не открывает рот, — маркиза хищно прищурилась, глядя, как Лираэль принимает бокал пунша от лакея. — За нее рот открывает Нейтон. А когда Нейтон открывает рот, головы летят с плеч вполне буквально. Вы видели казначея Южной таможи?

— Который теперь кормит рыб?

— Именно. Он посмел сказать, что жена Хозяина одевается слишком просто для приемов. Это было в четверг. В пятницу его нашли в заливе. Целиком. Даже парик не сняли.

Они замолчали, наблюдая, как Император Джалал направляется к Лираэль.

Джалал был великолепен. Его халат из золотой парчи весил больше, чем кольчуга тяжелого латника. На тюрбане сиял Рубин Престола. Император шел, переваливаясь, как откормленный селезень, но лицо его сияло радушием.

— Моя несравненная Лираэль! — провозгласил он так, чтобы слышал весь зал. — Ты затмила сегодня само солнце! Если оно, конечно, посмеет светить в присутствии моей драгоценной гостьи.

Лираэль присела в идеальном, отточенном до мелочей реверансе.

— Ваше Величество слишком добры, — ее голос был мелодичным и чистым. — Вы ослепляете нас своим блеском. Мы рискуем обжечь глаза, глядя на вас.

Джалал самодовольно погладил бороду.

— Брось эти церемонии, дитя! — он взял ее под локоть пухлой, униженной перстнями рукой. — Мы здесь все одна семья. Почти. Кстати о семье! Видела моего племянника? Бедный мальчик сохнет по тебе с весны. Я бы с радостью отдал ему твою руку... если бы твой дракон не сжег бы меня вместе с брачным контрактом.

Лираэль вежливо улыбнулась. — Ваше Величество, я принадлежу только Нейтану. И Двое свидетели, он не дракон. Он гораздо страшнее.

— О, я знаю! — Император понизил голос до театрального шепота, хотя ближайшие гости наострили уши. — Я каждое утро смотрю в зеркало, Лираэль. Знаешь, что я там вижу? Я вижу самого богатого человека в империи. Я вижу того, чья казна ломится от налогов. Но потом... потом я смотрю в окно.

Он кивнул в сторону огромного арочного окна, за которым, далеко на западе, в дымке были видны сигнальные башни Хозяйских угодий.

— И я вижу его земли. Его замки. Его рудники. Вчера мне принесли отчет. Оказывается, урожай пшеницы в моих провинциях — это *его* урожай. Мои серебряные шахты дают лишь десятую часть того, что выдают его копи в Серых горах. Я ношу корону, девочка. Но счет в моем банке пополняет твой муж.

— Нейтон предан вам, Ваше Величество, — твердо сказала Лираэль.

— Предан? — Джалал хрипло рассмеялся. — Он предан порядку, Лираэль. А порядок — это то, что держит его дракон. Я... я временный жилец в этом дворце. Если завтра Нейтану надоест играть в солдатики, он просто придет сюда. Сядет на мой трон. И я сам подам ему скипетр, потому что мои гвардейцы любят золото больше, чем мою родословную.

Он наклонился совсем близко, обдав ее запахом дорогого парфюма и перегара.

— Скажи мне, Лираэль. Каково это? Спать с человеком, который может уничтожить империю одним словом? Не страшно?

Лираэль посмотрела прямо в маленькие, заплывшие жиром глазки Императора. В ее взгляде не было страха. Была лишь бесконечная, спокойная усталость.

— Страшно, Ваше Величество. Но не за себя. Мне страшно за тех, кто заставляет его это слово произносить.

Она мягко высвободила локоть и отошла, оставив Императора стоять с приоткрытым ртом.

В другом конце зала, под сенью гигантских фикусов в кадках, атмосфера была куда более ядовитой.

Здесь собрались «невесты». Дочери Великих Домов, чей брачный возраст давно прошел, а приданое так и не превратилось в политический союз.

Леди Кассандра, старшая дочь герцога Борейского, сжимала бокал с такой силой, что тонкое стекло хрустнуло. Осколок порезал ей палец, но она не заметила.

— Это несправедливо, — прошипела она. — Это *несправедливо*.

— Тише, милая, — одернула ее мать, вдовствующая герцогиня, женщина с лицом, похожим на сморщенное яблоко. — Хочешь, чтобы нас услышали? Хочешь закончить как леди Элоиза?

Леди Элоиза стояла неподалеку. Год назад она имела неосторожность публично заявить, что Лираэль — шлюха, околдовавшая Хозяина. На следующее утро Элоизу нашли в ее будуаре. Она была в здравом уме, но седая, как столетняя старуха, и бормотала только одну фразу: «Он просто посмотрел на меня». Она больше не произнесла ни слова связного.

— Я не боюсь, — Кассандра тряхнула идеально уложенными волосами. — Посмотрите на нее! Она же как селянка! Стоит, разинув рот на люстру. У нее даже осанка неправильная!

— У нее осанка женщины, которая спит на голом полу, потому что муж боится раздавить ее в постели, — язвительно заметила баронесса фон Штейн, поправляя фальшивые мушки на щеке. — И платье... Вы видели швы? Идеально. Ни одной складочки. Знаете, сколько стоит работа портного, который умеет так шить? Я продала бы половину своих поместий за такое платье. А она носит его, как... как мешок.

— Она носит его, как хозяйка, — тихо сказал кто-то.

Все обернулись.

К ним подошел Элиан.

Он не танцевал. Он вообще редко появлялся в залах, где было много людей. Но сегодня Нейтон приказал ему сопровождать Лираэль. Элиан был одет в черное. Никаких украшений, никаких орденов. Только черная ткань, подчеркивающая каждый изгиб его пугающе идеального тела. Он стоял, прислонившись к колонне, и смотрел на Лираэль. Его янтарные глаза в свете свечей казались расплавленным золотом.

Аристократки замолчали. Воздух вокруг дракона стал густым и горячим.

— Вы обсуждаете госпожу, — голос Элиана был лишен интонаций, но каждое слово падало в тишину, как капля кислоты. — Это... недальновидно.

— Мы просто... восхищаемся ее нарядом, господин Элиан, — пролепетала герцогиня, приседая в глубоком, угодливом поклоне. — Госпожа Лираэль — истинное украшение двора.

— Вы завидуете, — поправил Элиан. Он оттолкнулся от колонны и сделал шаг к ним. Женщины инстинктивно отшатнулись. — Вы считаете свои платья золотыми. Вы считаете свои камни драгоценными. Вы ошибаетесь.

Он обвел их взглядом, и каждой показалось, что ее шею обвила раскаленная цепь.

— Золото на ваших платьях — это просто металл, который мой Повелитель отбирает у тех, кто не платит дань. Камни в ваших диадемах — это замерзшие слезы рабов в Серых горах. А Лираэль... — он позволил себе едва заметную, жуткую усмешку. — Лираэль — это единственное, что мой Повелитель никогда не отберет. Потому что она — его. Не по праву силы. По праву того, что она единственная, кто не боится его пустоты.

Он развернулся и ушел так же бесшумно, как и появился, оставив за собой шлейф запаха озона и липкого, животного ужаса.

Лираэль чувствовала этот ужас спиной.

Она стояла у столика с десертами, делая вид, что увлечена выбором между фисташковым и малиновым суфле, но на самом деле она считала.

Она всегда считала на приемах.

Двадцать семь человек в зале желали ей смерти. Она определяла это по микромимике: по тому, как дергается уголок глаза, как белеют костяшки пальцев на бокале, как задерживается дыхание при ее приближении.

Двадцать семь. Неплохо. Прошлым летом было сорок три.

— Госпожа Лираэль!

К ней подошла молодая пара. Виконт и виконтесса де Кроули. Они были из «новой знати» — отец виконта разбогател на поставках кожи для армии.

— Вы сегодня божественны! — прошептала виконтесса. — Мы получили приглашение на охоту в ваши угодья в следующем месяце. Это такая честь!

— Конечно, — улыбнулась Лираэль. — Нейтон будет рад. Он любит хорошую гончую.

— А правда, — виконт понизил голос, — что Хозяин подарил вам целую провинцию на день рождения?

— Он подарил мне тишину, — ответила Лираэль. — Провинция — это просто побочный эффект.

Она извинилась и отошла. Ей было душно.

Тяжелое платье сдавливало ребра. Алмаз на шее казался ледяным ошейником. Тысячи свечей жгли воздух. Она чувствовала на себе липкие, жадные, ненавидящие взгляды. Они смотрели на ее камни, на ее мужа, на ее счастье, как на личное оскорбление. Музыка смолкла. В центр зала вышел церемониймейстер.

— Его Величество Император Джалал Радужный объявляет начало Большого Полонеза!

Это был главный танец вечера. Танец иерархий. Пары выстраивались по старшинству титулов. Лираэль, как жена Хозяина, должна была открывать танец вместе с Императором. Это была традиция, которая бесила Джалала, но которую он не смел нарушить.

Нейтон подошел к ней бесшумно. Он сменил черный дублет на парадный мундир цвета полуночи, расшитый серебром. На его боку висел меч — не боевой клинок, а парадная игрушка с рубиновой рукоятью, которая все равно стояла как военный корабль. Он не улыбался. Он просто протянул ей руку.

— Ты бледна, — сказал он тихо, пока они шли к центру зала.

— Здесь слишком много свечей, — ответила она.

— Хочешь, я их потушу? — совершенно серьезно спросил он. — Вместе с гостями.

Лираэль не удержалась и прыснула.

— Только после танца, милый.

Они заняли свои места. Нейтон — прямой, как клинок, его черные глаза сканировали зал, фиксируя каждую угрозу. Лираэль — грациозная, но сжавшая его руку чуть сильнее, чем полагалось по этикету.

Заиграл оркестр. Полонез начался.

Это был танец-шествие. Величественный, медленный, показательный. Они шли первыми. Гвардейцы вдоль стен взяли «на караул». Джалал, танцевавший в паре с какой-то юной графиней, скрипел зубами, глядя в затылок Нейтона.

Лираэль двигалась автоматически. Шаг, поклон головы, поворот. Она видела лица. Вот графиня де Вейн. Ее губы растянуты в улыбке, но глаза — как два дула аркебузы. Вот маркиза Солей. Она что-то шепчет своей соседке, и та бледнеет.

— Они снова шепчутся, — тихо сказал Нейтон, ведя ее в сложной фигуре танца. Его губы почти не двигались.

— Они всегда шепчутся, — ответила Лираэль.

— О чем на этот раз? — в его голосе не было любопытства. Было холодное, расчетливое любопытство палача.

— О тебе. О том, что ты скоро купишь его трон.

Нейтон едва заметно повел плечом.

— Трон Джалала мне не нужен. Он неудобный. И от него пахнет старостью. Я лучше посажу на него Элиана. Посмотрим, как долго эти курицы будут сплетничать, когда их начнет жечь изнутри.

Лираэль наступила ему на ногу. Не сильно, но достаточно чувствительно для демона.

— Не смей, — прошипела она.

Нейтон посмотрел на нее сверху вниз. В его глазах на долю секунды мелькнуло удивление, сменившееся чем-то похожим на обожание.

— Как прикажешь, — сказал он.

Танец продолжался.

Когда они проходили мимо группы старых герцогов, один из них — древний, ссохшийся Понсо де Лурд — поклонился так низко, что едва не потерял равновесие.

— Хозяин! — проскрипел он. — Какая честь! Ваша супруга... она... она сияет!

— Она и должна сиять, герцог, — ровным голосом ответил Нейтон. — Она освещает мою тень.

Герцог побледнел и затерялся в толпе.

Полонез закончился.

Согласно этикету, Нейтон должен был передать руку жены следующему по рангу партнеру — молодому и глупому наследнику Северного Предела.

Нейтон склонился к руке Лираэль. Он не поцеловал ее — он лишь коснулся костяшками пальцев ее перчатки.

— Я буду у южных окон, — сказал он. — Если станет совсем невыносимо, моргни дважды.

— Я справлюсь, — ответила она.

Он ушел.

Черная фигура растворилась в пестрой толпе, но Лираэль чувствовала его присутствие. Он стоял там, у окна, скрестив руки на груди, и вся эта золотая, шелестящая, лживая масса людей знала: один его жест, и зал превратится в склеп.

Лираэль глубоко вдохнула.

Она снова стала «Сокровищем». Она улыбнулась молодому наследнику, который начал что-то лепетать о породистых лошадях. Она кивала, смеялась в нужных местах, и ее «Сердце Севера» холодило ключицу, напоминая о цене этого смеха.

К ней снова подошла графиня де Вейн. На этот раз она была одна.

— Дорогая Лираэль, — пропела она, — я просто обязана спросить. Где вы нашли своего портного? Я слышала, он из самой Иерии? Говорят, иерийцы продают душу за секреты кроя.

— Мой портной берет плату только золотом, — мягко ответила Лираэль. — Души его не интересуют. Но я могу спросить. У Нейтона скоро день рождения, и ему, возможно, понадобится новая рубашка. Для вас он, думаю, сделает скидку.

В глазах графини мелькнул испуг. Намек был прозрачен: Хозяин знает о ее долгах. Хозяин знает о ее сыне, который проигрывает в карты родовое имение.

— Вы так добры, — выдавила де Вейн.

— О, это не доброта, — Лираэль улыбнулась самой своей ослепительной улыбкой, глядя прямо в глаза сопернице. — Это инвентаризация. Хорошего вечера, графиня.

Она оставила ее стоять с застывшим лицом и подошла к Императору.

Джалал стоял у подножия своего трона, осушая кубок с вином.

— Устали, Ваше Величество? — участливо спросила Лираэль.

— Они все стервятники, — пожаловался Император, утирая губы. — Стоит мне отвернуться, как они уже делят мои земли.

— Они боятся, — сказала Лираэль.

— Тебя? — хмыкнул Джалал.

— Тебя, — ответила она. — Потому что знают: если ты упадешь, им придется иметь дело с ним. А с ним договориться нельзя. Можно только подчиниться или сгореть.

— Какая же ты пугающая женщина, Лираэль, — Император посмотрел на нее с пьяной, почти отцовской нежностью. — Принеси мне еще вина. И скажи своему мужу, чтобы перестал на меня так смотреть. У меня от его взгляда портится пищеварение.

Лираэль взяла пустой кубок и пошла к сервировочному столу.

Она шла сквозь зал, и море расступалось перед ней. Сплетни стихали, когда она приближалась. Улыбки становились шире. Поклоны — глубже. Она была идиолом. Она была щитом. Она была той самой «доброй госпожой», ради которой Нейтон де Фальконе, Хозяин дракона, раз за разом погружал руки в кровь, чтобы ее золотое платье никогда не испачкалось. Она налила вина Императору, добавила корицы, как он любит, и повернулась, чтобы идти обратно.

В этот момент она встретила взглядом с Элианом. Дракон стоял у дверей, ведущих на террасу. Он не участвовал в празднике. Он был его стражем. В своем черном камзоле он казался вырезанным из ночи. Он едва заметно кивнул ей.

«Зал чист. Угроз нет. Он зол, но держит себя в руках».

Лираэль ответила таким же легким кивком. *«Я знаю. Я его жена».*

Она подошла к Джалалу и протянула кубок. Бал продолжался. Музыка звенела. Золото слепило глаза. И никто из этих людей, упивающихся своим величием, не понимал, что они танцуют на тонком льду над бездонной пропастью. И единственный, кто не дает этому льду треснуть — это человек в темном углу, который ненавидит их всех, но терпит их ради одной-единственной женщины в платье цвета застывшего пламени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.